

Жилище ему понравилось. Он знал, что гостиницы в Париже для туристов его ранга не отличаются особыми удобствами и простором, но его номер был наверняка не худшим вариантом. Может, потому, что находился под самой крышей.

– Мансарда, – вспомнил Топкин название.

Широкая кровать, телевизор-плазма под потолком, холодильник, длинный и узкий то ли стол, то ли полка вдоль стены с окном. Из окна вид на улицу, а не в глухой двор с кирпичной стеной, чем Топкина пугали дома бывавшие в Париже.

Но не это по-настоящему обрадовало и удивило его, а то, что в туалете, в наклонном потолке было окошко с открывающейся вверх рамой... Некоторое время Топкин вспоминал, почему такое окошко его обрадовало, почему ассоциируется для него именно с Парижем...

Вспомнить не получилось. Включил телевизор, нашел музыкальный канал – там под арабскую мелодию пела арабского вида девушка, но на французском языке, – достал остатки виски, шоколада. Сел на кровать, глотнул, похрустел ломтиком «Таблерона».

– А, точно! – осенило. – Это же у Поланского было... такая квартир-ка. В «На грани безумия».

* Роман выходит в начале 2018 года в издательстве АСТ, «Редакция Елены Шубиной».

Где видел его в первый раз?.. Говорят, теперь у фильма другое название, а это – «На грани безумия» – было дано советскими переводчиками...

Мощный фильм. Как какой-то немолодой американский ученый со своей такой же женой прилетает в Париж, и там жену сразу похищают. Муж-ученый, дряблый ботаник, начинает ее искать, превращаясь почти в супермена. Ему помогает француженка с потрясающими ногами... Топкин недавно увидел в Интернете фотки ее нынешней – стареющая одутловатая тетка. А тогда, лет двадцать пять назад... Сколько спермы он выбрызгал из себя, представляя ее рядом с собой... Как она танцевала там, на экране! Как обмякла, раненая! Как хотелось ее унести, спасти, сделать своей...

И вот эта француженка жила в подобной квартирёнке – комната и туалет с окном в потолке.

Топкину хотелось думать, что впервые он посмотрел «На грани безумия» в одном из видеосалонов. Их тогда, под конец восьмидесятых, пооткрывалось в их городе немало. Поначалу почти нелегальных, в каких-то подсобках, подвалах. Адреса узнавали через знакомых, договаривались о посещении несколько дней. И вот наконец, отдав рубль, садишься перед телевизором и смотришь вместе с еще десятком людей необыкновенный фильм. «Терминатор», «Кобра», «Кошмары на улице Вязов», «Зомби в универмаге», «Рэмбо»... Гипнотизировало не столько происходящее на мутноватом выпуклом экране «Садко» или «Радуги», а монотонный голос переводчика, от которого бегали меж лопаток ледяные мурашки, рябь плохой пленки, сама атмосфера опасности, ожидания того, что сейчас ворвутся менты и начнут проверять, сколько кому лет, допрашивать...

Особенно часто пацаны смотрели фильмы с Брюсом Ли – «про Брюса», как говорили в то время. Главным был, конечно, «Путь дракона» и сцена драки Брюса и Чака Норриса.

Все замирали, боялись даже дышать... Из слабого динамика плыла тревожная медленная музыка, слышалось, как хрустят суставы Норриса и Брюса Ли во время разминки. Брюс жилистый, гуттаперчевый, а Норрис мясистый, в рыжеватой шерсти... И вот, размявшись, сходятся. В глазах нет злости, наоборот – уважение друг другу, но и уверенность: кто-то из них двоих должен сейчас погибнуть... Из развалин на них смотрит беспомощный котенок... Котенок мяукает, и Брюс бросается вперед...

«Слушай, повтори еще раз!» – просили парня, заправляющего видеодаком. Нужно было запомнить каждый удар, каждый прыжок, каждое движение. Понять, как Брюс убил Чака. (Ломание шейных позвонков в то время еще не было популярным способом убийства в кино.)

«Приходите завтра, еще раз посмотрите», – беспощадно отвечал начальник салона.

«Да блин – нам один кусок».

«Нельзя. Меня выпрут за это. В кино же не просите перематывать».

«Завтра тогда мне место оставь, ладно? Постараюсь прийти».

И в следующий вечер, если появляется рубль, снова бежишь в подвал и смотришь...

Очень быстро салоны стали официальными; на дверях вывешивали расписание.

Сеансы обычно начинались часа в два дня. Сначала показывали мультики типа «Тома и Джерри», потом два-три боевика, ужастика

или комедии, а почти ночью – «порнуху». Ограничение «до шестнадцати» действовало и здесь, но иногда удавалось проникать на такие фильмы четырнадцатилетним, пятнадцатилетним... «Горячую жевательную резинку», «Греческую смоковницу» и даже «Эммануэль» он, Андриюша Топкин, посмотрел еще тогда, в период видеосалонов.

Очень редко показывали музыкалку – концерты Мадонны, «Кисс», «Металлики». Это было иногда круче боевиков.

Да, денег тратилось на видеосалоны немало. Экономили на школьных обедах, на газировке; копили по десятику, пятнадцатикку...

В восемьдесят девятом в центральном кинотеатре «Найырал» (в переводе с тувинского – «Дружба») появился второй зал. Маленький, мест на тридцать, и там стали показывать видеофильмы, но уже не в телевизоре, а на экранчике, часто с многоголосой озвучкой. И очарование пропало. Фильмы и фильмы. Конечно, с крутыми драками, спецэффектами, но так чтобы дух перехватывало, чтобы потом не мог уснуть от страха или перевозбуждения... Нет, такого уже не случалось.

Но, может, просто Андрей стал взрослее? В семнадцать твоих лет Фредди Крюгер уже не тот, что был в твои четырнадцать... Позже, когда у него появился свой видак, Андрей брал в прокате те фильмы, которые любил в юности, и многие не мог досмотреть до конца. Убожество, примитив, стыд просто и за режиссера, и за актеров, и за себя, что балдел от этого.

Видаки продавались в магазине музыкальных инструментов и разной электротехники «Аялга» («Мелодия») с середины восьмидесятых. Это была отечественная «Электроника». Серая жестяная коробочка, символизирующая дверь в иной мир. У группы «Мираж» даже песня была про видео: «Стоит нажать – и меня с вами нет».

Правда, цена этой коробочки была такой, что почти никто в городе даже не планировал ее купить – больше тысячи рублей. За такие деньги можно было обзавестись стареньким «Москвичом» или вполне сносным «Запорожцем».

Были видеоманитофоны и в комиссионках. Там стояли импортные – тонкие, черные. Они стоили вообще запредельно...

Комиссионные магазины, а их в Кызыле было два – один в здании той же «Аялги», а другой в глубине базара, в маленькой избушке – посещали, как музей. Заходишь в избушку, и тебе в глаза тут же кидаются двухкассетные «Шарпы», джинсы «Монтана», «Леви Страус», «Ле Купер», кассеты «Сони», дубленки, соболиные шапки, хрусталь, ковры...

У Топкиных были дома простенький хрустальный сервиз – графин, шесть рюмок и шесть бокалов, – плешивый ковер на стене, цветной телевизор «Радуга», проигрыватель «Россия», магнитола «Рекорд-301»... Папа когда-то, когда был молодым, записывал на бобины разные песни – от Магомаева до «Ди пёрпл». Но Андрея бобинник не устраивал, да и какой смысл в этой, стоящей в зале, где вечно по вечерам кто-нибудь есть, коробке. Он мечтал о своем, личном магнитофоне. Кассетнике. Пусть будет простенький вроде «Легенды»...

В десятом классе ему наконец-то купили маг – «Томь-303», который очень напоминал один из магнитофонов «Сони» и звучал на первых порах просто отлично. Четкий такой звук, низкие, высокие частоты регулировались до грана...

С покупкой магнитофона появилась проблема фонотеки. Несколько кассет у Андрея было с давних пор – откуда-то появились, как-то подобрались три-четыре с песнями Яка Йоалы, Анны Вески, Аллы Пугаче-

вой, ансамбля «Боббисокс» и еще две чистые МК-60. Плюс еще одна кассета шла вместе с магнитофоном.

При помощи Белого, у которого был магнитофон «Весна», записали на все эти кассеты диско-музыку. Соединяли маги шнурами, настраивали частоты... Завидовали тем, у кого двухкассетники:

«Там, блин, без всяких напрягов – “запись” нажал, и понеслось».

Диско, правда, уже поднадоело к тому времени, тянуло к другому музону. Искали «Аэросмит», «Куин», «Скорпионс».

На базаре, этом островке экзотических магазинов – охотничьего, филателии, комиссионного, мясного павильона, где даже в годы жуткого продуктового дефицита можно было купить хорошего мяса, были бы деньги, – находилась студия звукозаписи.

На шишковато оштукатуренной, белёной стене списки групп и исполнителей... Сейчас уже трудно вспомнить, что было в тех списках, но их чтение будоражило, хотелось услышать это и это, и это...

Сделать запись в студии считалось хорошим тоном. Ведь она предполагала настоящее качество. И хоть у большинства магнитофоны были простенькими – только бы какой звук воспроизводил, – все-таки стремились к лучшему.

Поработав исправно месяца три, «Томь» стала разочаровывать: музыка зазвучала как-то размыто, плавающе, со все возрастающим шипением, и протирание головки и валика одеколоном или водкой помогало слабо. Потом порвался пассик, пришлось нести в ремонт. После ремонта «Томь» стала зажёвывать пленку... В общем, не повезло Андрею с первым магнитофоном.

Второй появился летом девяносто первого. Этот хоть и был куплен с рук, но служил безотказно. Настоящий японский «Панасоник». Наверное, он и сейчас работает – Андрей его давно не включал; коробка с кассетами – огромная коробка из-под телевизора – в углу комнаты, заброшенная разными тряпками. Может, уже и пленка осыпалась.

* * *

Топкин лежал на кровати и уговаривал себя подняться, сполоснуть лицо и отправиться на улицу. Прогуляться по близлежащим улицам, найти, может, открытый магазин. Воду надо купить, поесть чего-нибудь, да и выпить... Уговаривал, а сам постепенно всё глубже погружался в дрему, наполненную воспоминаниями. Воспоминаниями о давнем и вроде бы сейчас, здесь, в парижском отеле «Альтона» совершенно не нужном...

Вообще аскетичность жизни советских подростков, о которой он нынче очень часто слышал по телику да и от теперешней молодежи, была мифом. Запросы пятнадцатилетнего ребенка конца восьмидесятых родителям удовлетворять было наверняка не только сложнее, но и дороже, чем такого же ребенка десятых годов двадцать первого века.

Почти каждый пацан и некоторые девчонки проходили через моду собирания марок. Конечно, отпаривали марки с конвертов, выменивали у сверстников на какую-нибудь, считавшуюся коллекционером в тот момент, ерунду, но в основном покупали в магазине «Филателия», пестревшем разнообразнейшими наборами из Венгрии, Либерии, Монголии, Кубы, Кореи...

Продавщица была, кажется, всё время одна, без сменщицы, – русская женщина с тувинской фамилией Барбак-оол. Ее за глаза называли

Барбакол... Продавщицу просили оставлять новые наборы – кто живописи, кто животных, кто спорта. Копили деньги, выклянчивали у родителей на понравившиеся.

У Андрея сохранились два альбома, забитых марками. Не так давно он заинтересовался, сколько какие стоят на филателистическом рынке. Долго копался на форумах в Интернете. Оказалось, что его коллекция на девяносто девять процентов состоит из ничего не стоящих цветных бумажек. Да и те немногие марки, какими он по-настоящему дорожил – например, двумя из набора «Перекоп», не превышают сорока рублей за штуку.

А ведь сколько потрачено на эту коллекцию тех советских, дорогих рублей!

Набор стоил редко меньше рубля. В основном же полтора-два. Полтора рубля умножаем на сто наборов. Сто пятьдесят рублей. Немалые деньги в то время... К тому же на марки менялись модели автомобилей, индейцы или пираты, сделанные эсками ручки из разноцветных пластиковых кружочков, ножички-складешки... Все это в свое время покупалось или выменивалось на что-нибудь другое, но затем потеряло свою ценность по сравнению с марками.

Кто теперь из подростков собирает марки? Может, один из ста. А тогда один-два из ста не собирали и казались чужаками, не понимающими смысла жизни...

А эти модельки автомобилей! Теперь они во всех детских магазинах, киосках. Стоят не копейки, конечно, но и не столько, как году, скажем, в восемьдесят восьмом. Их коллекционировали далеко не все, но почти каждый пацан имел одну или две модельки. Это было делом своего рода чести.

Индейцы, пираты, ковбои... Не путать со штампованными солдатиками, что торчали в витринах «Детского мира»! Нет, индейцы, пираты, ковбои являлись произведением искусства.

Индейцы и ковбои были из твердой резины, разноцветные, с лицами. Пираты чаще всего – пластмассовые, одноцветно-коричневые, но с массой деталей: складки на треуголке, пистолет за витым поясом, сабля с узорчатой рукоятью, пряжки на башмаках... В магазинах эти фигурки не продавались, но откуда-то поступали в их глухой, далекий от большого мира Кызыл.

Да нет, понятно – откуда. В основном из ГДР, Чехословакии, Польши... В начале восьмидесятых в дом, где жили Топкины, въехала офицерская семья – главу семьи перевели из ГДР в их мотострелковую часть. Так паренек, сын офицера, привез целую армию индейцев и ковбоев. Ковбоев возглавляли несколько американских солдат в синей форме, таких, как в фильме про Чингачгука. А у индейцев был вождь – сидящий у костра старик с богатым украшением из перьев...

Некоторое время Андрей дружил с этим пареньком, и они устраивали войны индейцев с ковбоями. Индейцы скрывались в горах, сделанных из одеял и подушек, а ковбои за ними гонялись, попадали в засады... Очень быстро его отца бросили куда-то в другое место, и имени обладателя сокровищ Андрей не запомнил.

В советских солдатиков играли редко. Во-первых, они, грубо наштампованные, были неинтересны, постоянно падали, а во-вторых, им просто не с кем было воевать – врагов почти не делали у нас.

Зато очень многие сами лепили солдатиков из пластилина. Тогда был тяжелый, затвердевающий, почти как глина, долго сохраняющий яркий, но не водянистый цвет, пластилин.

Тут уж были хозяевами своей фантазии – тщательно изучали форму красноармейцев, белогвардейцев, фашистов, американских морпехов, наших десантников, французских солдат времен Первой мировой – и пытались копировать. Потом сражались. Можно было отрывать солдатам ноги и руки, прокалывать штыком...

Пластилин, конечно, нельзя отнести к большим тратам, удару по семейному бюджету. Но лепка солдатиков требовала не одной и не двух-трех пачек. Не пяти... Одно время у Андрея под кроватью в плоских коробках, накрытых от пыли и мусора газетами, стояли больше ста бойцов. Плюс несколько лошадей, десяток пушек, станковые пулеметы, гоночная машинка, при помощи пластилина превращенная в броневик... В общем, материала для армий требовалось немало. А материал добывался за деньги в отделе «Канцтовары» магазина «Детский мир».

Но в основном увлечения и развлечения требовали немалых финансовых затрат.

К примеру, склейка моделей кораблей и самолетов. Стоили эти конструкторы недешево, и родители предпочитали покупать хоть и подороже, зато сложнее, со множеством деталей, надеясь, что сын как можно дольше провозится с каким-нибудь крейсером или линкором...

А аквариумы! Кому пришло в голову, что если у тебя нет аквариума, ты чуть ли не чмо. И уговаривали родителей купить в магазине или с рук – у тех, кому надоело – аквариум. К нему, конечно, рыбок. Сначала попроще – гуппи, меченосцев, потом данюшек, барбусов, скалярий, неонов, сомиков. К аквариуму требовались фильтр, компрессор, лампа, водоросли, кормушки, улитки... Рыбкам требовался корм.

У Андрея был аквариум. Но не очень долго. Однажды он с ребятами пошел на болото за отличным, как ему рассказали, кормом – мотылем. Намыли с помощью сачка этих красных червячков, поделили, разошлись... Андрей раз, другой покормил им рыбок, а потом забыл. И как-то, проснувшись утром, Топкины увидели в квартире сотни вялых, новорожденных комаров.

После этого мама стала относиться к аквариуму как к врагу, да он и Андрею уже порядком надоел. Тем более что рыбки часто умирали, вода зеленела, и ее нужно было то и дело менять... Папа и сестра были к рыбкам совершенно равнодушны. В итоге продали за какую-то мелочь и аквариум, и рыбок, и всё остальное парнишке года на два младше Андрея – тот рассчитывал при помощи аквариума обрести уважением своих одноклассников...

Не иметь велик – сначала «бабочку» с двумя добавочными колесиками для удержания равновесия, затем «Школьник», а потом «взрослик» – было для пацана позором, признаком неполноценности. Если родители не имели возможности его приобрести, – а таких в восьмидесятые было еще немного, – пацан пытался скопить денежек и купить у кого-нибудь из старшаков или мечтал собрать самому. Обходил мусорки, копался в чермете в надежде отыскать сломанную раму, чтоб потом ее сварили мужики-ремонтники, руль, педали, колесо-восьмерку, которое можно было выправить...

Лет с четырнадцати начинали мечтать о мотоциклах. Или хотя бы мопедах. В разговорах постоянно звучало: «Рига», «Карпаты», «Ява», «Ижак», «Чезэт»... А особенно часто: «Верховина».

«Верховина» была так популярна не потому, что это была самая круть, – просто «Верховину» родители могли реально купить.

От безысходности некоторые мастерали мотовелики. На «взрослик» устанавливали моторчик, бачок, усиливали заднее колесо. И – вперед, треща и дымя...

На мопеде и мотовелике далеко не уедешь – гоняли вокруг гаражей, по пустынным улочкам внутри квартала. Но те, у кого появлялся «Иж» или «Днепр», или даже «Урал», отправлялись в дальний загород.

У Андрея мопеда и мотоцикла никогда не было. Сначала хотел, но родители в то время ожидали, что папу вот-вот переведут на новое место службы, и что тогда делать с этой двухколесной тяжестью; а потом Боба, у которого имелись «Карпаты», столкнулся на дачном перекрестке с машиной и месяца два прыгал с аппаратом Илизарова. Мода на мотики в их компании после этого заметно пригасла.

Старшаки бились серьезней. Некоторое время количество погибших в авариях конкурировало с количеством убитых в разнообразных драках. Особенно обсуждаемой стала авария, в которой разбился один из двух братьев Федоровых, считавшихся одним из самых главных бугров района, – Федор-младший. (Старший Федор вскоре сел за попытку отобрать пистолет у милиционера.)

Федор-младший шел через дворы со своей очередной телочкой и увидел возящегося с «ижакон» знакомого паренька. Федор попросил – точнее, потребовал – прокатиться. Наверняка бы действительно прокатился и отдал. Паренек вынужден был согласиться. Федор посадил подружку и рванул. И буквально через пять минут на бешеной скорости влип в лоб УАЗу. Девушка перелетела через Федора и машину и шлепнулась на газон. Что-то себе повредила, но несерьезно. А Федора просто размазало об УАЗ.

О нем пацаны не горевали – одной угрозой меньше. Телочка вскоре оклемалась и стала ходить с другим бугром. А вот пареньку сочувствовали. Попал он конкретно: мало того что мотоцикл превратился в грудку железа, так еще стали крутить, с одной стороны менты, с другой – дружки Федора. Зачем типа дал, когда видел, что человек обкуренный в хлам? Почему вообще мотоциклом владеешь, когда тебе пятнадцать лет?.. Документы на транспортное средство где?.. А он и не катался почти на своем «ижаке» – так, иногда по дворам. Ждал, когда ему исполнится шестнадцать, получит права... И вот за пять минут всё рухнуло.

А нынче уже и не встретишь пацанов на «Карпатах» и «Верховинах»; мотоциклов тоже мало, в основном – с колясками. Иногда-иногда кто-нибудь прожужжит на скутере, но за рулем взрослые мужики, а не подростки...

Много денег тратилось на игровые автоматы. Не на те, что появились в девяностые, когда играли, чтоб разбогатеть, а по сути бесполезные – «Морской бой», «Снайпер», «Авторалли», «Воздушный бой»... Эти автоматы были в их городе в одном месте – на автовокзале, и там вечно толпились дети и младшие подростки. Несколько минут удовольствия стоили пятнадцать копеек. Вроде, немного, но кому хватало одного сеансика? Появились настоящие игроманы; они воровали у родителей рубли, шарили по карманам в школьных раздевалках...

Некоторым спасением для таких стало появление карманных игрушек – «Ну, погоди!», это где Волк собирает яйца, а потом и «Биатлона», «Хоккея», «Автослалома». Появились и импортные «Тетрисы».

Году в девяностом уже почти никто на переменах не бегал по коридорам – «рекреациям», как их называли, – школьники стояли вдоль

стен или сидели на подоконниках и ловили-ловили яйца, собирали ша-рики одного цвета...

А теперь в каком-нибудь айфоне или смартфоне можно и на мотике покататься, и в войнушку поиграть какими угодно солдатами, и какие угодно фильмы посмотреть, музыку послушать, и фотографировать все подряд по сто раз, не жалея фотопленки, которой в айфонах или смартфонах попросту нет. Нынешние подростки и не знают толком, что это такое – фотопленка...

Почти каждый пацан в восьмидесятые хоть короткое время увлекался фотографией. А фотография – это не только фотоаппарат. Нужны бачки для проявки, ванночки, проявитель, закрепитель, фонарь, глянецватель, а главное – фотоувеличитель... «Хочешь разориться – купи фотоаппарат» – была такая поговорка.

Конечно, в Доме пионеров – одноэтажном деревянном доме неподалеку от их школы – существовал фотокружок, где можно было проявлять пленки и печатать фотки в общем-то задаром, хотя в ограниченном количестве; можно было купить фотоувеличитель на две-три семьи (а семьи одноклассников-соседей, ясное дело, были знакомы, а то и дружили), но хотелось свой, личный увеличитель. Иметь свою лабораторию. Чтобы никто не мешал, не присутствовал при этом чуде – когда на красноватой от света фонаря бумажке, плавающей в розоватой от фонаря жидкости вдруг начинают возникать чёрточки, пятна, а потом возникает кусок мира, который несколько часов назад поймал в маленькую коробочку «Смены» или «Чайки», «ФЭДа», «Зенита»... А вот – лицо, такое милое, желанное лицо Оли Долинской. Улыбается, так по-доброму смотрит, так ожидающе, словно хочет сказать: «Не бойся, не думай, что я не понимаю твоих взглядов. Но не веди себя как пятиклассник. Я всё давно заметила и жду, когда ты подрастешь и решишься. А я уже выросла».

Осторожно трогаешь пинцетом ее волосы, лоб, щеки, подбородок, водишь по губам, гладишь железкой дорогую бумажку. Качаешь в теплом проявителе. Потом переносишь в другую ванночку, с фиксажем. Снова трогаешь, гладишь. Потом промываешь в большой ванне чистой водой.

Долго, тщательно промываешь, чтобы не через неделю, не через двадцать лет на лице Оли не появились буроватые, как лишай какие-нибудь, пятна, не вылезла язва... Потом осторожно глянцеуешь, стараешься не обжечь...

А вот возникает на бумаге Марина Лузгина. Она сидит на лавочке возле школы. Смеется чему-то, глядя в сторону, нога закинута на ногу. Марина в летнем коротком платье, и ноги видны далеко. Точнее, одна нога, которая сверху. От светлой туфельки-лодочки дальше, по блестящей лодыжке и выпуклой икре к ровной коленной чашечке. Продолговатая и крупная, но в меру, в самую меру, ляжка... Подол слегка задрался, и она открыта почти вся.

Особенно притягателен изгиб этой ноги – четкая, словно художником прочерченная линия, почти правильная дуга. Глаз не оторвать.

Но Андрей оторвал быстро. Нельзя, это девушка Белого – его друга Димки Попова. Они еще не пара, но он знает: Марина – его.

Куда деть фотографию? Подарить Белому, так он может докопаться: на фига ты ее так сфоткал, в такой позе? Вряд ли поверит, что Андрей и не заметил, глядя в глазок «Смены», что ноги Марины настолько открыты, так соблазнительны; что просто снимал их всех после уроков, и вот так получилось...

Сколько раз они купались в протоке, сколько раз видел Маринку в купальнике, и ничего, не чувствовал этого странного волнения, а тут вот вдруг... Пытался отвлечься, но взгляд сразу возвращался в ногам, к этому изгибу, темной щелке...

Высушив фотку, спрятал ее подальше, засунул между бракованными, неудачными. Постарался забыть и забыл. И она наверняка лежит сейчас в коробке с бумагами, которые увез двадцать два года назад, переезжая из родной квартиры в ту, где они должны были долго и счастливо жить с женой – Ольгой Топкиной, в девичестве Долинской.

...Захотелось сейчас же найти фотку, увидеть спустя столько лет. Не только Маринкины ноги, а своих друзей прежними, юными... И Андрей на несколько секунд выпутался из дремы, приподнялся, огляделся в огнистой полумгле, понял, где он, и уснул теперь уже глубоко, без воспоминаний.

* * *

Голова не то чтобы раскалывалась – она не хотела варить. Густая, тяжелая чернота в мозгу.

Похмелья Топкин не испытывал уже давно – выпивал в меру, тем более проверенную водку, знакомое пиво из привычного магазина.

Несколько минут он неподвижно сидел на кровати, глядя на жалующегося пожилого певца в телевизоре, медленно извивающихся рядом с ним молодых самок в купальниках...

– О-о-ой, – простонал Топкин в тон песне, сполз с кровати; увидел пачку сигарет, и захотелось курить. Но вместе с этим желанием, будто отзываясь ему, в животе забулькало, к горлу поползла маслянистая горечь.

Топкин передернулся, пошел в туалет. Постоял над унитазом, косясь в окно в скате крыши. Были видны два дома напротив и кусок улицы, разделяющей эти дома... Улица загибалась влево, уходила за углы других домов...

Представились городские пейзажи Утрилло. Очень похоже... Ну так – Утрилло и изображал Париж, именно эти районы. И Топкин очнулся, заторопился. Да, да, скорее надо все увидеть, почувствовать!..

Спустил воду в унитазе; бачок, заполняясь, запел. Можно было решить, что это некий дефект, но мелодия была очевидна.

– Скучно не будет, – усмехнулся Топкин.

Изо всех сил энергично умывался, чистил зубы, полоскал горло... Вроде бы помогло – дурнота улеглась, в висках закололо, зато появились мысли. Пусть простые, примитивные, но смывающие мертвую черноту с клеток мозга.

Как скорее раздобыть воду для питья? Из-под крана пить рискованно... Надо выяснить, сколько времени; надо позавтракать – завтраки в гостинице бесплатные...

Часы в мобильнике показывали «8:26». Это московское время – перевел в «Шереметьево». Здесь, кажется, на два часа меньше... Половина седьмого... Завтракать рано, выходить на улицу – тоже... Но внутри рос мандраж, страх чего-то важного не успеть, пропустить... Каждую минуту надо использовать...

Топкин достал из пластикового конверта программу пребывания. Зеленым маркером были выделены входящие в тур экскурсии... Так, с восьми пятидесяти до часу дня – обзорная экскурсия по Парижу

с посещением музея духов. Потом обед в ресторане «Панорама», а после него – прогулка по Монмартру, осмотр базилики Святого Сердца.

– Что за святое сердце? – задумался Топкин, перебирая в тугом сейчас уме достопримечательности. – А, блин, Сакре-Кёр!

Вообще-то он считал себя знатоком Парижа. Несколько, конечно, смешного сорта знатоком – по книгам, телепередачам, книгам. Но мало ли у нас до сих пор географов, знающих планету тоже заочно, учителей английского, немецкого, французского, которые никогда не были в странах, где население говорит на этих языках...

Сакре-Кёр нужно увидеть. Тем более что поселили Топкина где-то рядом... Он достал карту, взял со стола карточку «Альтоны», которую вчера выдали на ресепшене... Так, вот отмечен отель, и если пойти на север, будет бульвар Рокхе... А, Рошешуар. Легендарный Рошешуар, где кабаре... Нет, не «Мулен Руж», а даже более крутое, описанное Мопассаном; там Лотрек нашел тему своих картин – танцовщиц, проституток, выпивох... Да и «Мулен Руж» тоже где-то неподалеку. Где-то там и Пигаль, бульвар Клиши... Тихие дни в Клиши, крошка Колетт...

Ох, какой сушняк! И курить хочется... В номере курить запрещено...

Топкин пополоскал рот водой из-под крана, постоял перед окном. Осмотрел туалет – датчиков дыма вроде бы нет... Не выдержал, закурил, приподнял раму. В лицо, как кулак, ударил твердый поток холодной, почти ледяной сырости. Дым не вылетал наружу, а после выдохов закручивался барашками и возвращался в туалет.

Сделав несколько судорожных затяжек, Топкин сбил уголек сигареты в унитаз, окурочок сунул обратно в пачку. Закрыв окно. Продует, и придется вместо экскурсий тут с температурой валяться...

Надо было, конечно, летом ехать. Или хотя бы в сентябре, а не в конце октября. Но работы навалилось летом и в первые два месяца осени, что не продохнуть. Один выходной оставили, по двенадцать часов впахивать приходилось... Заказ за заказом, причем всё по государственным программам, а не от частных лиц. Там и объемы другие, и деньги... Не всё, правда, выплатили, но обещают твердо. «До конца декабря стопроцентно все долги будут закрыты». С трудом верится, но в такой год обмануть не должны.

А год, две тысячи четырнадцатый, для Кызыла, да и для всей Тувы, – особенный. Его ждали больше двух десятилетий. С тех пор как в начале девяностых временные трудности сменились разрухой, которая в свою очередь, когда почти всё было разрушено, превратилась в токсикливую серость, которой нашли научное имя – стагнация. Так прямо и говорили руководители республики: «У нас – стагнация». Типа оправдывались, что требовать каких-то улучшений сейчас невозможно, бесполезно, просто нелепо. «Стагнация» – этаким всеобщий летаргический сон...

Население, от главы республики до последнего бомжа, ждало, что вот придет две тысячи четырнадцатый, и в мгновение ока жизнь изменится. Города и села преобразятся, зарплаты повысятся у тех, кто работает, а кто сидит без работы, на пособиях, – появится. Легкая, но денежная. А бомжей отмоют, поселят в специально выстроенных приютах и, главное, будут давать водки, сколько захочешь... Короче, мечта каждого исполнится в этом году.

Проведя всю сознательную жизнь в Туве, Топкин не мог не знать основные моменты ее истории. Тем более в последние годы всё чаще возникало желание понять, где именно он живет...

Две тысячи четырнадцатый – юбилейный. Сто лет назад Россия приняла Урянхайский край, который позже стал Тувой, под протекторат. Сто шестьдесят тысяч квадратных километров степей, тайги, рек и гор с примерно пятьюдесятью тысячами (никто точно не знает, так как никто не считал) тувинцев – смеси разных племен и обломков великих народов, живших поочередно на этой земле, – и десятком тысяч русских крестьян, староверов и купцов, проникавших сюда с конца девятнадцатого столетия.

Царь своим указом о протекторате фактически спасал людей – недавно в Китае случилась революция; часть тогдашнего Китая, под названием «Монголия», воспользовавшись ситуацией, отделилась, а севернее Монголии находился этот Урянхайский край с населением, которое монголы ненавидели и презирали.

Урянхай тоже заявил о своей независимости, но и Китай, и возродившаяся Монголия очень хотели вернуть клочок земли в верховьях реки Енисей, гневались на урянхов и сойотов (две основные ветви, ставшие позже тувинцами), грозились их истребить поголовно, что было в порядке вещей в суровых азиатских краях. Вырезать пятьдесят тысяч – раз плюнуть.

Часть нынешних тувинцев обратилась к русскому царю с просьбой взять их под защиту. Русский царь год-другой посомневался и взял. Но защиты, покровительства – протектората, – просила лишь одна часть. Другая хотела независимости, третья – монгольского владычества, четвертая – китайского... Позже, почти через век, это неединство аукнулось русскому населению Тувы.

А тогда была весна девятьсот четырнадцатого, Российская империя находилась в добром здравии и силе, царь, пережив смуту революции пятого года, – чувствовал себя уверенно. Наверное, радовался, что новая территория мирным путем де-факто (протекторат, это не полное присоединение, но тем не менее) приросла к России. В благодарность Николаю Второму первый в этих землях кочевников город назвали Белоцарском.

По вьючным тропам через Саянские горы пошли караваны с товарами из Енисейской губернии, русские крестьяне стали заселять Урянхай активнее...

Первая мировая война хоть и не напрямую, но коснулась и Урянхайского края. С началом поражений России на западном направлении, Монголия и Китай стали громче заявлять о своем праве владеть этой землей. Китайцы потрясали договорами восемнадцатого столетия, по которым Урянхай признавался территорией Китайской империи; монголы слали ноты и отправляли в край своих людей, настраивавших тувинцев против русских. Запыхали дома переселенцев, купеческие лавки. Царь повелел ввести в Урянхай ограниченный воинский контингент – полусотню казаков.

Февральская революция вызвала новые попытки Монголии присоединить Урянхай к себе. Китай, не имевший с краем общей границы, проявлял меньше рвения. Российское временное правительство заявляло, что договоры, заключенные при прежнем режиме, будут неуклонно соблюдаться. Территориальная целостность оставалась незыблемым принципом. Были, правда, голоса, призывавшие позволить урянхайцам самоопределиться. Во-первых, это не абсолютно российская земля, а принятая под покровительство, а во-вторых, иметь Урянхай в нынешних (1917 год) условиях попросту экономически тяжело... Топкину

запомнилась фраза из какого-то документа: «Более миллиона рублей потрачено на постройку никому не нужного Белоцарска».

Правда, тогда все клочочки бывшей Российской империи желали отделиться друг от друга и самоопределяться. И отделение Сибири от западной части страны не казалось чем-то фантастическим... Одно время, после знакомства с Михаилом, братом своей третьей жены, Топкин очень настойчиво искал статьи Григория Потанина об автономии Сибири. Этнографических, географических, ботанических статей было сколько угодно, а эти – в спецхранах, видимо. Даже путешествия в лабиринтах Интернета не помогли. Запретная тема...

Незадолго до Октябрьской революции прошел русско-урянской съезд. На нем решили, что внутренние вопросы местное население будет решать самостоятельно, а спорные станут разрешаться российской властью. Было подтверждено, что высшая гражданская власть в крае принадлежит России. Для того чтобы не усиливать межнациональное напряжение, участники съезда решили запретить дальнейшее переселение русских в Урянхайский край.

Правда, несколько хошунов – районов – своих делегатов не прислали: они не признавали протекторат изначально, считали свои земли или ни от кого не зависимыми, или же частью Монголии.

Во время Гражданской войны были в нынешней Туве и белые, и красные, и всякие прочие. Русские воевали друг с другом, тувинцы – тоже. Китай с Монголией на дипломатическом уровне, а иногда и при помощи вооруженных отрядов боролись за эту территорию, и в конце концов Китай признал Урянхай неотъемлемой частью Монголии. Но Монголии в тот момент было не до него – там происходила очередная революция.

В самом же Урянхае, видя, как разваливается Россия, всё большее число людей желало снова присоединиться к Китаю. Точнее, разные регионы края, управляемые нойонами – местными князьями, – видели себя под покровительством разных держав. Китая, Монголии, того, что появится на севере – там, где была недавно Российская империя.

Но в итоге Урянхай оказался независимым государством – Тувинской народной республикой. Столицей стал Белоцарск, переименованный на очень короткий срок в Урянхайск, потом в Красный Городок, а потом в Кызыл – то есть «Красный».

Независимость была провозглашена на Учредительном съезде тувинского народа летом 1921 года. Но съезд не получился всенародным – представителей двух из девяти хошунов на нем не было. Эти хошуны считали себя частью Монголии. О желании войти в состав Монголии заявил и представитель Тоджинского хошуна. Не принял участие в съезде главный правитель – амбын нойон. Всё это позже припомнится...

Так или иначе, но Тува – ТНР – стала третьей в мире страной, после Советской России и Монголии – МНР, – строящей социализм. Хотя о строительстве социализма в Монголии и Туве было объявлено позже, несколько лет они именовались просто «народные».

На протяжении нескольких лет Тува оставалась государством, как бы сейчас сказали, самопровозглашенным и непризнанным. В 1924 году ее наконец признал СССР, еще через два года, после множества попыток пристегнуть Туву к себе, споров о границе, и Монголия. Впрочем, пограничные конфликты между ТНР и МНР продолжались еще долгие годы, не раз угрожая перерасти в открытую войну.

Улаживать отношения Тувы и Монголии приходилось советскому руководству. Даже в августе 1941 года, когда немцы накатывались

на Ленинград, Киев, Москву, Молотов вынужден был успокаивать готовых к войне друг с другом восточных союзников... Где-то Топкин читал, что будущий прославленный маршал, а тогда, в 1939 году, командующий Группой советских войск в Монголии Георгий Константинович Жуков разнимал бросившихся друг на друга руководителей Тувы и Монголии...

Независимость Тувы была относительной. На международной арене ее представлял Коминтерн, экономическая помощь из СССР шла мощная, в том числе и кредиты, долги по которым время от времени списывались. Русское население республики считалось гражданами Советского Союза, живущими по советской конституции. Тувинские деньги, почтовые марки печатались в советских типографиях.

Через несколько часов после нападения Гитлера на СССР Тува объявила войну Германии. Фюрер, правда, на это никак не отреагировал. До сих пор ходит байка, что, узнав об объявлении войны, он стал искать Туву на картах, но не нашел и плюнул.

В меру сил ТНР участвовала в Великой Отечественной. Слала в СССР мясо, шерсть, гнала лошадей, передала золотой запас государства на строительство танков и самолетов. Русские парни и мужики из Тувы отправлялись на фронт по мобилизации, а тувинцы шли добровольцами.

В школе часто рассказывали, как тувинские кавалеристы освобождали Ровно, вселяли ужас в фашистов, называвших их «черная смерть»... Над этими рассказами школьники – пацаны русской национальности – посмеивались, не веря в разбегавшихся чувачков со шмайзерами при виде тувинцев на лошадях. Но много позже Топкин прочитал в одной статье, что тувинцы не брали пленных, «руководствуясь своими национальными представлениями о военной этике»...

Помощь Советскому Союзу окончательно подорвала экономику Тувы, ответной помощи в ближайшее время ждать не приходилось – весь запад большого соседа лежал в руинах. Тувинские руководители стали обращаться к советским руководителям со всё более настойчивой просьбой принять республику в состав СССР. Внутри Союза подняться казалось реальной... В октябре 1944 года просьба была удовлетворена.

Вхождение Тувы в СССР воспринималось как благо, юбилеи отмечались искренними празднествами. Точнее, искренними они казались Топкину в детстве... Улицы украшались красными флагами и транспарантами, на стадионах «5 лет Советской Тувы» и «Хуреш» проводились соревнования борцов и лучников, футбольные, волейбольные матчи, в филармонии, театре шли торжественные заседания и концерты.

Но в конце 80-х оказалось, что вхождение состоялось незаконно – решение о ходатайстве вступления ТНР в состав СССР принял не Великий Хурал (Верховный Совет) Тувы, а Малый (президиум Верховного Совета), что от населения это решение утаивали около месяца, опубликовав лишь тогда, когда всё было решено, подписано и ничего изменить было невозможно.

Вслед за этим вспомнили сомнительную просьбу о протекторате, разногласия по вопросу независимости Тувы в двадцать первом году... Почти каждый день читатели газет – республиканских и центральных – открывали какие-нибудь возмутительные факты из истории СССР. Все республики оказывались захваченными, покоренными коммунистами. Возмутительного предостаточно было в том числе и в отношении

Туву... Советский Союз трещал и лопался, взрывался вооруженными конфликтами. Прибалтика, Фергана, Карабах, Баку, Казахстан... В конце концов рвануло и в Туве.

* * *

Дождавшись восьми часов по местному времени, Топкин спустился в кафе... Это было не кафе даже, а скорее что-то вроде буфета – несколько столиков, аппараты с кофе и кипятком, молоко, чай, сахар в пакетиках, йогурт, какие-то хлопья...

За одним из столиков сидели две пожилые женщины, тихо переговариваясь на неизвестном Топкину языке.

– Бонжу-ур! – появился из соседней с буфетом комнатки огромный, очень черный, до синевы, негр в белой курточке.

Топкин отозвался слегка растерянно:

– Бонжур.

Негр больше жестами, чем словами спросил, из какого он номера; Топкин показал брелок-гирьку с цифрами.

– О-оке! – Отметив что-то в журнале, негр скрылся в комнатке и почти сразу вернулся с тарелкой – круассан, булочка, шоколадная паста «Нутелла» в крошечной упаковке. Поставил на стол, взглядом показал Топкину, что это ему.

«Такому банки грабить, а не круассаны выдавать, – подумал Топкин, и тут же пристыдил себя: – При чем здесь банки?.. Нашел непильную работу и приткнулся...»

Может, благодаря вкусному кофе и свежему круассану, вспомнилось забавное: как они в восемьдесят четвертом всей школой репетировали танец.

На протяжении полутора месяцев – в сентябре, начале октября – всех, от второклассников (первоклашек пощадили) до десятиклассников, собирали на футбольном поле и включали магнитофон с мощной колонкой. По округе бухала песня «На шагающих утят быть похожими хотят...»

И человек триста, стоя полукругом, должны были синхронно повторять за женщиной в ветровке с полосками одни и те же движения: по-куриному махать согнутыми в локтях руками, приседать, виляя при этом задом, вскидывать руки, подпрыгивать, тянуть руки вверх, энергично шевелить пальцами... Выглядело это со стороны наверняка очень смешно.

Топкину было тогда одиннадцать лет, он еще не научился не подчиняться, а парни из старших классов, да и некоторые девушки стали было пропускать репетиции, отказываться. Но на них с необычной суровостью обрушилась добродушная вообще-то завуч: «Это не наша прихоть. Это – государственное задание! Подготовка к славному юбилею». Грозил наказанием вплоть до исключения из комсомола. «А без комсомола вы ни в один институт!..»

Однажды всем раздали спортивные костюмы. Да нет, какие спортивные – легкие трикошки и футболки. У каждого возраста был свой цвет – у одних бордовый, у других зеленый... Андрею и его сверстникам достались белые. Помнится, их сразу прозвали кальсонами.

Стали репетировать в костюмах. На то, как они приседают и машут руками, приходили посмотреть какие-то солидные дяденьки. Серьезно кивали.

И вот была собрана общешкольная линейка. Директор объявил, что в ближайшее воскресенье на стадионе «Хуреш» состоится праздничный концерт, посвященный сорокалетию вхождения Тувы в братскую семью народов СССР.

«Нашей школе оказали большое доверие – участвовать в празднике, – повысил голос директор, высокий, далеко еще не старый мужчина, Сергей Владимирович Конеев; обычно он редко показывался за пределами своего кабинета, и всем учебным процессом, поведением учеников занималась завуч, но выступать перед школьниками Сергей Владимирович любил. – Настоятельно требую всех к девяти утра быть у входа в парк культуры и отдыха. Мы собираемся и организованно идем к стадиону... Повторяю, это очень серьезное мероприятие!»

Он замолчал, видимо, решив, что сказано всё. Завуч что-то ему шепнула.

«Да-да, – спохватился Сергей Владимирович, – и не забывать костюмы. Всем ясно?»

«Угу-у», – прокатилось по рядам совсем небодрое.

Белые трико выглядели, конечно, позорно, и Андрей с одноклассниками решили не пойти. Тем более и страшновато было танцевать на стадионе, перед тысячами глаз такой танец. «На шагающих утят...»

«При чем здесь эти утята?» – недоумевала и мама, но потом ей объяснили: мелодия немецкая, а их школа переписывается со школой в ГДР; есть несколько ребят, которые жили в Германии – отцы там служили...

«Надо участвовать, сынок, – убеждала мама Андрея, то и дело заговаривающего, что не пойдет. – А то и нам неприятности будут... Мы все вместе пойдем. У папы дежурства нет как раз. Погуляем после концерта, газировки поьем. Говорят, мороженое привезут».

Мороженое в Кызыле до начала девяностых было редкостью. Здесь его не делали, а доставляли из-за Саян, за четыреста километров, было наверняка невыгодно. И потому оно появлялось в городе лишь по праздникам, да и то не всегда и не во всех магазинах.

Во времена кооперативов некие умельцы стали делать мороженое сами, по слухам, из детского питания. Оно стоило очень дорого, было невкусным, да и кто-то здорово им траванулся. Или слухи такие распустили, чтоб прикрыть лавочку. И прикрыли.

Году в девяносто втором появились уже серьезные коммерсанты. Но они опять же не стали строить заводик по производству, а везли мороженое в рефрижераторах из Абакана и Минусинска. Торговля шла прямо на улице – из коробок. Расхватывали только так, несмотря на безденежье.

Теперь никого мороженым в Кызыле не удивишь, а в восемьдесят четвертом... Короче, Андрей сломался – в обмен на три пачки пломбира или эскимо (что окажется) согласился танцевать на стадионе в «кальсонах».

Эти «кальсоны», кстати, ненавистные, позорные, стали на неделю, как бы сейчас сказали, фишкой. Начало этому положил топкинский одноклассник и сосед по дому Славка Юрлов. Дня через три-четыре после выдачи этого концертного наряда он явился в школу в «кальсонах». На туловище синяя форма, а на ногах – они.

«Ю-урлов! – схватила его за рукав встречающая учеников в фойе завуч. – Что это за видок?!»

«А чего? – Славка недоуменно скривил губы. – Обнашиваю. Так все артисты делают».

«Ну-ка марш домой за брюками!»

В общем, Славку не пустили на первый урок, а на следующий день в «кальсонах» пришли еще человек пять.

Завуч перекрыла дорогу одному, задержала другого, но потом почему-то отпустила. И несколько дней пацаны щеголяли по школе с белым низом... Андрей хотел было тоже прийти так, но не решился...

Само выступление запомнилось смутно. Волновался, повторял за другими движения, поэтому мало что замечал вокруг. Но часы перед концертом и после отпечатались в памяти подробно.

Около девяти был с родителями и сестрой Таней на площади возле входа в парк Гастелло. (У Топкина до сих пор держалась подсознательная уверенность, что летчик-герой был их земляком – иначе зачем называли парк его именем; но о Туве Гастелло если и слышал – участвовал в боях на Халхин-Голе, – то вряд ли в ней бывал, и логики в том, что парк культуры и отдыха носил его имя, не было. Тем более что в Кызыле родились или жили несколько Героев Советского Союза. Например, Михаил Бухтуев, совершивший первый таран бронепоезда танком.)

Площадь была забита толпами пацанов и девчонок из разных школ. По сигналу руководителей то одна толпень, то другая двигалась через мост над протокой в сторону стадиона «Хуреш».

Андрей заметил в людском скопище высокого физрука Одувана, а уже потом учеников. Договорился с родителями, где встретятся после выступления, прибил к своим.

По чьему-то знаку двинулись. Бухала в отдалении музыка, вокруг болтали, смеялись... Праздник... Около задних ворот стадиона сняли верхнюю одежду и выбежали на поле, расставились не очень густым – часть ребят все-таки не пришла – овалом.

Оглушительно, со всех сторон, зазвучала мелодия про утят, и стали танцевать. Когда песня кончилась, убежали обратно за ворота.

А потом наступила обжираловка мороженым и пирожными «гномиками», обпивание газировкой... Очень быстро, получив от родителей рубль, Андрей свалил к пацанам-одноклассникам. Рубль мгновенно истратился на сладкое и катание на «взрослых» каруселях – «На цепочке»; испарились и деньги пацанов, и они стали рыскать по кустам в поисках пустых бутылок.

«Чебурашки» из-под газировки принимали там же, где торговали, – за столами под зонтиками. И происходил почти бесконечный круговорот: сдавалась пустая бутылка за двадцать копеек, добавлялось семь или десять, или пятнадцать копеек в зависимости от вида газировки, и покупалась целая поллитровка. Распивалась по кругу, сдавалась за двадцатик, к которому нужно было добавить еще копеек, чтоб купить следующую. И пацаны неслись на поиски пустой тары.

Заодно гонялись за девчонками по узким, боковым дорожкам, играли в прятки в тополевых зарослях, а по парку разносилась жизнеутверждающая музыка со стадиона «Хуреш». Припекало осеннее солнце... Был праздник.

* * *

Шагнул на улицу под синий навес у двери отеля, и сразу обдало сырым ветром... Черт, даже в голову не могло прийти, что в Париже может быть плохая погода. Как тут гулять? Об асфальт колотились сердитые твердые капли, ручейки воды бежали по краям проезжей части...

Топкин глянул время в телефоне. До начала экскурсии оставалось около сорока минут. До места встречи – Гранд Опера – минут пятнадцать. По этой улице налево, потом повернуть направо, потом еще раз направо... Паренек на ресепшене, пообъясняв, сказал в итоге нечто такое:

– Все дороги приводят к Опера.

Без всякого желания Топкин закурил, поднял воротник легкой куртки и, ссутулившись, держа сигарету в кулаке, пошел по узкому тротуару.

Грел себя теплым прошлым.

...Да, тот октябрьский день оставил ощущение настоящего праздника. И не потому, конечно, что вдоволь надулись вкуснятиной... Нет, была какая-то абсолютная радость и, может, впервые возникшее ощущение, что дальше будет вот так – хорошо, светло, весело...

Сколько прошло с тех пор? Восемьдесят четвертый год... А, да, тридцать лет. Ровно до месяца...

«Тридцать!» – крикнуло в Топкине отчетливо, отчаянно, и он даже остановился, как перед ямой, пытаясь осознать эту громадную для человеческой жизни цифру. Тридцать лет. Три четверти прожитой им жизни. И четверть – почти не помнившегося детства... А сколько впереди?

Сколько... Пусть двадцать, пусть еще тридцать или даже сорок. Но через двадцать лет ему будет за шестьдесят. Если даже сбережет себя, здоровье сохранит, всё равно... За шестьдесят – это старость. Как ни крути, как себя и других не обманывай.

И, получается, она совсем рядом. Чик! – и вот вместо восемьдесят четвертого года две тысячи четырнадцатый. А потом еще – чик! – и две тысячи тридцать четвертый... Один чик, наполненный бликами, силуэтами мелькающих фигур, мгновениями удовольствия, секундами горя...

– Да нет, – вслух запротестовал Топкин, досасывая горячий дым из окурка. – Нет, чего я, блин... Много было... Много всякого!

Действительно. А чем он занимался последние сутки? Как во время перелета из Абакана в Москву стало вспоминаться, так не отпускает. Лезет и лезет, всплывает, вспучивается, словно еще одна, повторная жизнь, давно пережитое.

Дома, в привычной обстановке перед телевизором или за компьютером, после тяжелого дня, или с друзьями, которые рядом много лет, или с девушкой, молодой и свежей, воспоминания спят, а тут – навалились...

Так, так, надо идти, добраться до Опера, забраться в салон автобуса, свернуться на сиденье у окна, смотреть на плывущий Париж. Узнавать места, которые знал давно, но по фильмам, по книгам. А теперь – увидеть живую... И Топкин, нагнув голову, глядя в землю, пряча лицо от ледяных капель, скосив в сторону от порывов ветра туловище, захлопал дальше.

«Как Пьер Ришар», – представил себя со стороны, попытался разведелиться. И почти сразу чуть не врезался в женщину с тележкой. Женщина что-то предупреждающе выкрикнула, и Топкин увернулся.